

Научная статья / Scientific article

УДК / UDC 811.512.3737:811.53137

<https://doi.org/10.31833/sifk/2026.3.2.16>

Семантика и символика цветообозначения «синий» в лингвокультуре калмыков и корейцев

Жанна Алексеевна Мукабенова

Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова,
Элиста, Российская Федерация
E-mail: mukabenoja@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена сопоставительному анализу цветообозначения «синий» (калм. *көк*, кор. 푸르다 / 파랗다) в калмыцкой и корейской лингвокультурах. Цвет является универсальной категорией, однако его восприятие и символическая нагрузка глубоко специфичны для каждого этноса, отражая особенности мировоззрения, религиозных верований, географической среды и культурно-исторического развития. Актуальность исследования обусловлена необходимостью выявления как универсальных, так и этноспецифических черт в языковой картине мира двух народов, принадлежащих к разным языковым семьям, но имеющих общие восточные культурные корни. На материале фольклорных текстов (поговорок, пословиц, загадок), фразеологизмов и лексикографических источников анализируются семантические особенности, сочетаемость и оценочные коннотации синего цвета. В ходе исследования установлено, что в обеих культурах лексема «синий» охватывает широкий спектр оттенков, включая синий, голубой и зеленый, что является типологической чертой. Выявлены глубинные сходства: символизм вечности, верности, молодости, надежды и спокойствия. Однако обнаружены и значимые различия: в калмыцкой культуре синий цвет (*көк*) сакрален, связан с культом Вечного Синего Неба (Тенгри), мужским началом и родиной, в то время как в корейской лингвокультуре синий цвет (푸르다), наряду с позитивной семантикой (образование, учёность, статус), может приобретать негативные коннотации, символизируя страх, холод, незрелость и даже невежество. Особое внимание уделяется концепту «синяя птица», который в корейской традиции имеет амбивалентное значение. Результаты исследования могут быть использованы в курсах лингвокультурологии, межкультурной коммуникации и теории перевода. Автором статьи самостоятельно выполнен сбор, систематизация и анализ языкового материала из лексикографических и фольклорных источников по калмыцкому и корейскому языкам. Проведен сопоставительный анализ семантики, символики и оценочных коннотаций цветообозначения «синий» в двух лингвокультурах. Сформулированы выводы об универсальных и этноспецифических чертах восприятия синего цвета в традиционной картине мира калмыков и корейцев.

Ключевые слова: цветообозначение, синий цвет, лингвокультурология, калмыцкий язык, корейский язык, языковая картина мира, символика цвета, символизм, семантическая особенность

Для цитирования: Мукабенова, Ж.А., 2026. Семантика и символика цветообозначения «синий» в лингвокультуре калмыков и корейцев, *Уфимский гуманитарный журнал*, т. 3, № 2, с. 180–186. <https://doi.org/10.31833/sifk/2026.3.2.16>

Semantics and symbolism of the color term “blue” in the linguoculture of Kalmyks and Koreans

Zhanna A. Mukabenoja

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov,
Elista, Russian Federation
E-mail: mukabenoja@gmail.com

Abstract. This article is devoted to a comparative analysis of the colour term ‘blue’ (Kalmyk: көк; Korean: 푸르다 / 파랗다) in Kalmyk and Korean linguistic and cultural contexts. Colour is a universal category; however, its perception and symbolic significance are deeply specific to each ethnic group, reflecting the distinctive features of their worldview, religious beliefs, geographical environment and cultural and historical development. The relevance of this study stems from the need to identify both universal and ethno-specific features in the linguistic worldview of two peoples who belong to different language families but share common Eastern cultural roots. Drawing on folkloric texts (proverbs, sayings and riddles), idiomatic expressions and lexicographical sources, this study analyses the semantic features, combinatorial patterns and evaluative connotations of the colour blue. The study has established that in both cultures, the lexeme ‘blue’ encompasses a wide spectrum of shades, including blue, light blue and green, which is a typological feature. Deep-seated similarities have been identified: symbolism of eternity, fidelity, youth, hope and tranquillity. However, significant differences have also been found: in Kalmyk culture, the colour blue (көк) is sacred, associated with the cult of the Eternal Blue Sky (Tengri), the masculine principle and the homeland, whilst in Korean linguoculture the colour blue (푸르다), alongside positive connotations (education, scholarship, status), can take on negative connotations, symbolising fear, cold, immaturity and even ignorance. Particular attention is paid to the concept of the ‘blue bird’, which has an ambivalent meaning in Korean tradition. The findings of this study may be used in courses on linguoculturology, intercultural communication and translation theory. The author of the article independently collected, systematised and analysed linguistic material from lexicographical and folklore sources on the Kalmyk and Korean languages. A comparative analysis has been carried out of the semantics, symbolism and evaluative connotations of the colour ‘blue’ in the two linguistic and cultural contexts. Conclusions have been drawn regarding the universal and ethno-specific features of the perception of the colour blue in the traditional worldviews of the Kalmyks and Koreans.

Keywords: color term, blue color, linguoculturology, the Kalmyk language, the Korean language, linguistic worldview, color symbolism, symbolism, semantic feature

For citation: Mukabenova, Zh.A., 2026, Semantics and symbolism of the color term “blue” in the linguoculture of Kalmyks and Koreans, *Ufa Humanitarian Journal*, vol. 3, no. 2, pp. 180–186. (In Russ.) <https://doi.org/10.31833/sifk/2026.3.2.16>

Введение

Изучение цветообозначений является одним из актуальных направлений современной лингвокультурологии и когнитивной лингвистики. Как справедливо отмечает В.Г. Кульпина, «лингвистическая цветология приобретает все более конкретные черты» [Кульпина, 2019: 7], формируя самостоятельную научную парадигму. Цветообозначения представляют собой особую лексико-семантическую категорию, в которой находят отражение как универсальные закономерности восприятия, так и этноспецифические особенности мировидения. Классические работы Б. Берлина и П. Кея [Berlin, Kay, 1969] заложили фундамент для понимания универсалий в системе цветообозначений, доказав существование ограниченного набора базовых цветовых терминов и эволюционной схемы их появления в языках мира. Вслед за ними А. Вежицкая подчеркивала, что «цветовое восприятие является, вообще говоря, одним для всех групп людей, но языковая концептуализация различна в разных культурах» [Вежицкая, 1996: 238].

Востоковедные исследования убедительно демонстрируют, что в азиатских культурах цветовая картина мира имеет глубокие философские основания, восходящие к конфуцианству, буддизму и древним шаманским верованиям [Ли Чжэман, 2005; Kim Sang-Mi, Kwon Young-Suk, 2014].

Объектом данного исследования является цветообозначение «синий» в двух лингвокультурах – калмыцкой (монгольская группа) и корейской (изолированный язык). Выбор именно синего цвета обусловлен его особой символической нагруженностью в обеих традициях, а также наличием типологической черты – совмещением в одной лексеме значений синего, голубого и зеленого цветов. Как отмечает Д.Д. Санжина, для монгольских языков это явление типологически значимо [Санжина, 2018], а в корейском языке, по наблюдениям Л.В. Шим и И.С. Львовой, также наблюдается семантическое слияние синего и зеленого [Шим, Львова, 2007].

Методологическую основу исследования составляют труды А.П. Василевича по психолингвистике цвета [Василевич, 1987], работы Е.В. Рахилиной по семантике цветовых прилагательных [Рахилина, 2007], а также монография Н.Л. Жуковской, посвященная символике цвета в культуре монгольских народов [Жуковская, 2002]. Материалом для анализа послужили фольклорные тексты (пословицы, поговорки, загадки), фразеологизмы и лексикографические

данные калмыцкого и корейского языков. В работе используются методы сопоставительного, семантического и лингвокультурологического анализа.

Синий көк в калмыцкой лингвокультуре

В калмыцкой культуре синий цвет, обозначаемый лексемой *көк*, занимает особое, сакральное место. Как убедительно показала Н.Л. Жуковская, у монгольских народов «цветовая геосимволика неразрывно связана с пятью сторонами света и восходит к древним космологическим представлениям» [Жуковская, 2002: 195]. Значимость синего цвета восходит к древним верованиям монгольских народов, для которых культ Вечного Синего Неба (Тенгри, Мөңкө Көк Теңгр) был центральным до принятия буддизма. Синее небо выступало как верховное божество, источник жизни, покровитель и прародитель. Эта глубинная архаическая семантика накладывает отпечаток на все аспекты функционирования цветообозначения *көк* в языке и культуре.

В «Калмыцко-русском словаре» под редакцией Б.Д. Муниева зафиксирована многозначность лексемы *көк*. Ее первое значение – ‘синий, голубой; зеленый’ (*көк теңгр* ‘голубое небо’, *көк теңгс* ‘синее море’, *көк ноһан* ‘зеленая трава’). Эта особенность, когда одна лексема объединяет синий и зеленый цвета, как отмечает Д.Д. Санжина, «характерна для многих тюркских и монгольских языков и указывает на архаичность цветовой категоризации» [Санжина, 2018: 45]. Второе значение – ‘серый, сивый’ (о масти животных: *көк бор мөрн* ‘сивый конь’). Третье значение – ‘зеленый, неспелый’ (о плодах: *көк алымн* ‘зеленое яблоко’). Таким образом, калмыцкое *көк* охватывает цветовой спектр от синего до зеленого и даже серого, что является его важной типологической характеристикой.

Сакральность синего цвета ярко проявляется в калмыцком героическом эпосе «Джангар». Как отмечает Г.Ц. Пюрбеев, цветоопределение *көк* в названиях оружия эпических персонажей (*көк кивр саадг* ‘огромный синий лук’, *көк луһин сумн* ‘волшебная синяя стрела’) подчеркивает его «небесное происхождение» и «чудесные волшебные свойства» [Пюрбеев, 1993: 64–65]. Синий цвет здесь – маркер силы, сакральности и божественного покровительства. В более широком фольклорном контексте *көк* ‘синий’ символизирует верность, преданность Родине, постоянство и ассоциируется с водной синью.

Анализ фразеологического фонда и паремий калмыцкого языка показывает как позитивные, так и нейтральные коннотации синего цвета, практически лишённые негативной оценочности. Например, пословица «*Көк теңгр аһарарн сән, күүкн күн седкләрн сән*» (‘Синее небо прекрасно чистым воздухом, а девушка (женщина) – душой’) проводит параллель между красотой неба и внутренней красотой человека, актуализируя положительный образ. Устойчивое выражение «*толһаннь ораһарн көк теңгерт күрх*» (‘достать головой голубое небо’) означает ‘быть на седьмом небе’, т. е. испытывать высшую степень счастья. Данные примеры подтверждают тезис А.П. Василевича о том, что «психолингвистический эксперимент позволяет выявить глубинные ассоциативные связи цветообозначений в национальном сознании» [Василевич, 1987: 52].

В калмыцких загадках-триадах (гурвнтс) цветообозначение *көк* также занимает важное место. Например, в триаде «три синих» перечисляются: «*Үүлн уга оһтрһу көк*» (‘Небо без облаков синее’), «*Өвчн уга делун көк*» (‘Селезенка без болезней синяя’), «*Усн цегән дала көк*» (‘Океан с прозрачной водой синий’). Здесь синий цвет выступает как эталон здоровья, чистоты и природной гармонии. В сочетании с названиями растений *көк* передает значение ‘зеленый’, описывая красоту и жизненную силу природы («*Үвл зун көкрэд бээдг харһа көк*» – ‘Зеленеющая зимой и летом сосна’).

Важно отметить, что негативные коннотации для *көк* практически нехарактерны. Даже в выражениях, описывающих неблагоприятные природные явления, цвет выступает скорее как маркер, лишённый собственно отрицательной оценки. Например, «*Киштрх теңгрин көвэ көк, керүлч күүнэ урл көк*» (‘Если края неба синеют – к холоду, если у человека синие губы – признак скандалиста’) – здесь синий цвет является симптомом или предвестником, но сам по себе не несет оценочности.

Синий 푸르다 в корейской лингвокультуре

В корейском языке цветообозначение «синий» представлено несколькими лексемами, наиболее употребительными из которых являются исконные 푸르다 (phureuda) и 파랗다 (pharatha), а также китайское заимствование 청색 (靑色) (cheongsaeck). Как убедительно показывают исследования Л.В. Шим и И.С. Львовой, «восприятие цвета в корейском языке имеет глубокую культурную специфику, связанную с традиционной цветовой символикой» [Шим, Львова, 2007: 55]. Как и в калмыцком, корейское 푸르다 может обозначать не только синий, но и зеленый цвет, особенно в отношении травы, листвы и незрелых плодов. Это свидетельствует об общих для восточных

языков процессах формирования цветовой категории «сине-зеленый», что подтверждается универсалиями, выделенными в работе Берлина и Кея [Berlin, Kay, 1969].

Семантика синего цвета в Корее является многогранной и амбивалентной. С одной стороны, 푸르다 традиционно символизирует молодость, надежду, спокойствие, чистоту, весну и восток (в рамках конфуцианской теории пяти элементов и пяти направлений). Как пишет корейский исследователь Ли Чжеман, «синий цвет в этой системе соответствует элементу Дерева, востоку и весне, олицетворяя начало жизни, созидание и гармонию» [Ли Чжеман, 2005: 38]. Этот цвет ассоциируется с ученостью и благородством: выражение 청운의 꿈 ('мечта о синих облаках') означает высокое стремление, а 청사진 ('синий чертеж') – план будущего. Устойчивое выражение 청출어람 ('синее рождается из индиго, но превосходит его') является аллюзией на превосходство ученика над учителем, где синий цвет символизирует знание и талант (ср. наблюдения над аналогичной китайской идиомой и паремиями в том же значении в других языках [Ягафарова, Хусаинова, Куланчин, 2022: 87–93]).

Позитивная оценочность синего цвета проявляется в пословицах, связанных с природой и моральными качествами. Например, «푸른 소나무 절개는 겨울이 되어야 안다» ('Преданность синей сосны познается зимой') – здесь синий (зеленый) цвет сосны выступает символом верности и непоколебимости. Пословица «푸른 옷을 입을 때는 해나무를 잊지 말라» ('Когда носишь синюю одежду, не забывай о дереве, из которого делали краску') напоминает о необходимости благодарности и уважения к истокам и учителям. Как отмечает Е.В. Рахилина, «прилагательные цвета часто развивают переносные значения, основанные на культурных ассоциациях» [Рахилина, 2007: 35], что наглядно демонстрируют приведенные примеры.

Вместе с тем, синий цвет в корейской лингвокультуре несет и ярко выраженные негативные коннотации. В первую очередь, 푸르다 / 파랗다 символизирует холод, страх и ужас. Выражения '새 파랗게 질리다' ('стать ярко-синим') означают сильно испугаться, а '명이 들다' ('посинеть') – получить сильный ушиб. Страх связывается с посиневшим лицом. Кроме того, синий цвет означает незрелость, неопытность и молодость как недостаток: '푸르다' о человеке может означать 'быть молодым и неопытным'. Также синий цвет ассоциируется с неурожаем, бедствием и болезнью.

Амбивалентность синего цвета ярко проявляется в паремиях. Пословица «칠년 가뭄에 푸른빛을 볼 수 있으나 석 달 장마에 푸른빛을 볼 수 없다» ('При семилетней засухе можно увидеть синеву, но при трехмесячном сезоне дождей – нет') использует образ синего неба как символа редкой и желанной надежды среди бедствия. Однако есть и прямо противоположный образ – 파랑새 ('синяя птица'). В отличие от европейской традиции, где синяя птица – символ счастья, в некоторых корейских регионах «синяя птица выступает символом несчастья и беды», а цветообозначение «синий» приобретает «отрицательный характер» (пословица «파랑새 보고 며늘아가 곡식 뒷박 기운다» – 'Увидев синюю птицу, невестка прячет зерно', предвидя засуху и голод). Этот пример особенно интересен в свете наблюдений В.Г. Кульпиной о том, что «цветовые концептосферы не являются застывшими, они развиваются и эволюционируют» [Кульпина, 2019: 10], что подтверждается изменением символики синей птицы в корейской традиции.

Интересна оппозиция синего и красного цветов в корейской культуре. Синий (мужское начало, Ян, благородство, ученость) противопоставляется красному (женское начало, Инь, страсть, но также и простонародье). Это отчетливо видно в идиоме «빨간 상놈 푸른 양반» ('Красный простолюдин, синий дворянин'), где цвет выступает маркером социального статуса и воспитания.

Заключение

Сопоставление цветообозначений «синий» в калмыцкой и корейской лингвокультурах, проведенное в рамках лингвокультурологического подхода, позволяет выявить как глубокие сходства, так и значимые различия.

Сходства:

1. Семантическое поле: В обоих языках лексема «синий» охватывает также спектр зеленого и голубого цветов, что является типологической чертой и может свидетельствовать об архаичных этапах формирования цветовой категоризации [Berlin, Kay, 1969; Санжина, 2018].

2. Позитивная символика: В обеих культурах синий цвет тесно связан с образом неба, воды (моря), символизирует вечность, простор, спокойствие, чистоту и здоровье. Он также ассоциируется с молодостью, надеждой и позитивным будущим (көк теңгэр – «голубое небо» как источник жизни; 청운의 꿈 – «мечта о синих облаках» как высокое стремление).

3. Символ верности и постоянства: В калмыцком эпосе синий цвет – символ верности Родине, в корейских паремиях («푸른 소나무...») – символ непоколебимой преданности. Оба народа наделяют синий цвет семантикой устойчивости и верности [Жуковская, 2002; Пюрбеев, 1993].

Различия:

1. Сакральность и теизм: для калмыцкой культуры синий цвет обладает ярко выраженной сакральной, теистической символикой, восходящей к культу Тенгри (Вечное Синее Небо). Это придает колоративу *көк* статус одного из самых священных цветов, связанных с высшим божеством [Жуковская, 2002]. В корейской культуре сакральность синего цвета опосредована через конфуцианскую и буддийскую традиции, где он символизирует скорее моральные категории (ученость, благородство, гармонию с природой).

2. Амбивалентность: Калмыцкое *көк* практически лишено негативных коннотаций. Даже в описаниях холода или болезни цвет выступает как нейтральный признак. Корейское же *푸르다 / 파랗다* глубоко амбивалентно: наряду с позитивной символикой, оно прочно ассоциируется с такими негативными понятиями, как страх, ужас, холод, незрелость и даже беда (образ синей птицы) [Шим, Львова, 2007].

3. Социальная стратификация: В корейской лингвокультуре синий цвет является маркером социального статуса и образования (благородный синий дворянин vs. красный простолудин) [Kim Sang-Mi, Kwon Young-Suk, 2014]. В калмыцкой культуре эта функция закреплена скорее за белым (*цаһан яста кун* – «человек белой кости»).

Таким образом, цветообозначение «синий» в калмыцкой и корейской лингвокультурах демонстрирует универсальную связь с природными стихиями (небо, вода) и позитивными ценностями (вечность, надежда). Однако глубинное культурно-историческое наполнение этого образа различается: от сакрально-теистического почитания у калмыков до амбивалентного, сочетающего морально-этические и социальные смыслы, с элементами негативной оценки у корейцев. Как отмечает В.Г. Кульпина, «лингвистическая цветология позволяет реконструировать ментальные установки этноса и воссоздать мировоззренческую систему универсума в целом» [Кульпина, 2019: 12], что и было продемонстрировано в данном сопоставительном исследовании.

Источники и материалы

Калмыцко-русский словарь, 1977. Под ред. Б.Д. Муниева. Москва: Русский язык, 768 с.

Хальмг келнэ келц үгмүдин толь, 1990. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 142 х. [*Фразеологический словарь калмыцкого языка*, 1990. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 142 с.] (на калм. яз.)

Список литературы

Василевич, А.П., 1987. *Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте: на материале цветообозначения в языках разных систем*. М.: Наука, 140 с.

Вежицкая, А., 1996. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия, *Язык. Культура. Познание*. М.: Русские словари, с. 231–291.

Жуковская, Н.Л., 2002. *Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика*: Учебное пособие. М.: Вост. лит., 247 с.

곽은희. 속담속색채어의 의미 연구. 2018. [Квак, Ынхи, 2018. Исследование цветолексемв корейских пословицах] (на кор. яз.)

Кульпина, В.Г., 2019. *Лингвистическая цветология: от истории к современности цветовых концептосфер*: монография. Отв. ред. В.А. Татаринев. М.: МАКС Пресс, 288 с.

이재만, 한국의 색, 일진사. 2005. [Ли, Чжэман, 2005. Цвет Кореи. Ильджинса] (на кор. яз.)

Мукабенова, Ж.А., 2024. *Лингвокультурная специфика цветообозначений в языковой картине мира калмыков и корейцев*. Дис. ... канд. филол. наук. Элиста, 245 с.

Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая, 2007. Составление, перевод Б.Х. Тодаевой. Элиста: АПП «Джангар», 839 с.

Пюрбеев, Г.Ц., 1993. *Эпос «Джангар»: культура и язык (Этнолингвистические этюды)*. Элиста: Калм. кн. изд-во, 127 с.

Рахилина, Е.В., 2007. О семантике прилагательных цвета, *Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ*. Отв. ред. А.П. Василевич. М.: КомКнига, с. 29–39.

Санжина, Д.Д., 2018. *Цветообозначение в монгольских языках: лингвокультурологический аспект*. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2018. 134 с.

장경현, 속담속색채표현의 의미 형성. *한국어 의미학*, 25, 187–222. 2008. [Чжан, Гёнхён, 2008. Формирование значения цветовых выражений в пословицах, *Корейская семантика*, № 25, с. 187–222] (на кор. яз.)

Шим, Л.В., Львова И.С., 2007. «Восприятие цвета» в корейском языке, *Известия корееведения в Центральной Азии*, 2007, т. 14, с. 29–39. URL: http://world.lib.ru/k/kim_o_i/s8s4.shtml (дата обращения: 03.04.2026)

Ягафарова, Г.Н., Хусаинова, Л.М., Куланчин, А.Ю., 2022. Да превзойдет учителя ученик! (к этнокультурной специфике паремий), *Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы*, № 1 (62), т. 2, с. 87–93. URL: <https://bspu.ru/files/116593> (дата обращения: 03.04.2026)

Berlin, B., Kay, P., 1969. *Basic Color Terms: Their Universality and Evolution*. Berkeley: University of California Press, 178 p. (на англ. яз.)

김 상 미 · 권 영 숙 전통색의 의미와 현대적 활용 방안에 관한 연구. 2014. [Ким Сан Ми, Квон Ен Сук, 2014. Исследование значений традиционных корейских цветов и способов их современного применения, *Журнал корейского традиционного костюма*, № 3, т. 17, с. 109–112] (на кор. яз.)

References

Vasilevich, A.P., 1987, *A study of vocabulary in a psycholinguistic experiment*. Nauka, Moscow, 140 p. (In Russ.)

Vezhbitskaya, A., 1996, Color designations and universals of visual perception, *Language. Culture. Cognition*. Russian Dictionaries, Moscow, pp. 231–291. (In Russ.)

Zhukovskaya, N.L., 2002, *Nomads of Mongolia: Culture. Traditions. Symbolism: Textbook*. Vostochnaya Literatura, Moscow, 247 p. (In Russ.)

Kwak, Eunhee, 2018, *A Study of Color Lexicons in Korean Proverbs*. (In Korean)

Kulpina, V.G., 2019, *Linguistic colorology: from history to modernity of color concept spheres: monograph*. Ed. V.A. Tatarinov. MAKS Press, Moscow, 288 p. (In Russ.)

Lee, Jae-man, 2005, *The color of Korea*. Iljinsa. (In Korean)

Mukabenova, Zh.A., 2024, *Linguocultural specificity of color designations in the linguistic picture of the world of Kalmyks and Koreans*. Dissertation ... Candidate of Philological Sciences. Elista, 245 p. (In Russ.)

Proverbs, sayings, and riddles of the Kalmyks of Russia and the Oirats of China, 2007. Compiled and translated by B.Kh. Todaeva. Dzhangar, Elista, 839 p. (In Russ.)

Pyrbeev, G.Ts., 1993, *The epic “Dzhangar”: Culture and language (Ethnolinguistic studies)*. Kalmykskoje Knizhnoe Izdatel'stvo, Elista, 127 p. (In Russ.)

Rakhilina, E.V., 2007, On the semantics of color adjectives, *Color names in Indo-European languages: Systematic and historical Analysis*. Ed. A.P. Vasilevich. KomKniga, Moscow, pp. 29–39. (In Russ.)

Sanzhina, D.D., 2018, *Color designation in Mongolian languages: linguocultural aspect*. Buryat State University Press, Ulan-Ude, 134 p. (In Russ.)

Jang, Kyung-hyun, 2008, Formation of color expression meanings in proverbs, *Korean Semantics*, no. 25, pp. 187–222. (In Korean)

Shim, L.V., Lvova, I.S., 2007, “Perception of color” in the Korean language, *Newsletter of Korean studies in Central Asia*, vol. 14, pp. 29–39. (In Russ.)

Yagafarova, G.N., Khusainova, L.M., Kulanchin, A.Yu., 2022, May the student surpass the teacher! (to the ethnocultural specificity of proverbs), *Bulletin of the Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla*, no. 1 (62), vol. 2, pp. 87–93. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_49286911_15801827.pdf (accessed: 03.04.2026) (In Russ.)

Berlin, B., Kay, P., 1969, *Basic color terms: Their universality and evolution*. University of California Press, Berkeley, 178 p. (In Eng.)

Kim Sang-Mi, Kwon Young-Suk, 2014. A Study on the Meanings and Modern Applications of Korean Traditional Colors, *Journal of Korean Traditional Costume*, vol. 17, no. 3, pp. 109–12. (In Korean)

Заявление о раскрытии информации

Для создания данной рукописи не использовались инструменты искусственного интеллекта.

Disclosure statement

No AI tool was used to generate the content of this manuscript.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Информация об авторе

Жанна Алексеевна Мукабенова, кандидат филологических наук, доцент, Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова, г. Элиста, Российская Федерация; <https://orcid.org/0000-0002-7527-7990>; e-mail: mukabenova.ja@gmail.com

Information about the author

Zhanna A. Mukabenova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russian Federation; <https://orcid.org/0000-0002-7527-7990>; e-mail: mukabenova.ja@gmail.com

Рукопись поступила в редакцию / Received 22.05.2026

Одобрена после рецензирования / Approved 10.06.2026

Принята к публикации / Accepted 16.06.2026